

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ СУИЦИДОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ЛИЦ С ОПАСНЫМ ПОТРЕБЛЕНИЕМ АЛКОГОЛЯ

К.В. Полкова, А.В. Меринов, Е.В. Комаров, А.Е. Старостенко

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова» Минздрава России, г. Рязань, Россия

GENDER ASPECT OF SUICIDOLOGICAL PROFILE OF PERSONS WITH HAZARDOUS ALCOHOL CONSUMPTION

K.V. Polkova, A.V. Merinov, E.V. Komarov, A.E. Starostenko

Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia

Сведения об авторах:

Полкова Ксения Владимировна – аспирант (SPIN-код: 1149-3624; Researcher ID: W-4794-2019; ORCID iD: 0000-0002-4292-6544). Место учёбы: аспирант кафедры психиатрии ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России. Адрес: Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, 9. Телефон: +7 (915) 590-65-41, электронный адрес: polkovaksu@gmail.com

Меринов Алексей Владимирович – доктор медицинских наук, доцент (SPIN-код: 7508-2691; Researcher ID: M-3863-2016; ORCID iD: 0000-0002-1188-2542). Место работы и должность: профессор кафедры психиатрии ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России. Адрес: Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, 9. Телефон: +7 (4912) 75-43-73, электронный адрес: merinovaalex@gmail.com

Комаров Евгений Викторович – студент (ResearcherID: HGA-7645-2022; ORCID iD: 0000-0002-9480-0396). Место учёбы: студент ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава РФ. Адрес: Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, 9. Электронный адрес: comarov.evgen@mail.ru

Старостенко Александр Евгеньевич – студент (Researcher ID: E-9576-2022; ORCID iD: 0000-0002-4770-5564). Место учёбы: студент ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова» Минздрава России. Адрес: Россия, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, 9. Телефон: +7 (4912) 75-43-73, электронный адрес: starostenko.alex@mail.ru

Information about the authors:

Polkova Xenia Vladimirovna (SPIN-code: 1149-3624; Researcher ID: W-4794-2019; ORCID iD: 0000-0002-4292-6544). Place of study: Graduate student of the Department of Psychiatry Ryazan State Medical University. Address: 9 Visokovoltynaya str., Ryazan, 390026, Russia. Phone: +7 (915) 590-65-41, email: polkovaksu@gmail.com

Merinov Alexey Vladimirovich – MD, PhD, Associate Professor (SPIN-code: 7508-2691; Researcher ID: M-3863-2016; ORCID iD: 0000-0002-1188-2542). Place of work and position: Professor of the Department of Psychiatry Ryazan State Medical University. Address: 9 Visokovoltynaya str., Ryazan, 390026, Russia. Phone: +7 (4912) 75-43-73, email: merinovalex@gmail.com

Komarov Evgenii Victorovich – student (ResearcherID: HGA-7645-2022; ORCID iD: 0000-0002-9480-0396). Place of study: student of Ryazan State Medical University named after academician I.P. Pavlov. Address: 9 Visokovoltynaya str., Ryazan, 390026, Russia. Phone: +7 (4912) 75-43-73, email: comarov.evgen@mail.ru

Starostenko Aleksandr Evgenievich – student (Researcher ID: E-9576-2022; ORCID iD: 0000-0002-4770-5564). Place of study: student of Ryazan State Medical University named after academician I.P. Pavlov. Address: 9 Visokovoltynaya str., Ryazan, 390026, Russia. Phone: +7 (4912) 75-43-73, email: starostenko.alex@mail.ru

Вопрос распространённости аутоагрессии, связанной с потреблением алкоголя, в настоящее время остаётся открытым. Благодаря тесту RUS-AUDIT, выявляющему «опасное потребление алкоголя», появилась возможность определить группу риска развития алкогольной зависимости и иных нежелательных последствий, а значит, и оценить их место в континууме параалкогольной аутоагрессии. Понимая недостаточную изученность гендерного вопроса донозологического потребления алкоголя, в данной работе мы попытались ответить на вопрос: имеет ли значение пол человека, имеющего паттерн опасного потребления алкоголя, на его аутоагрессивные характеристики. Целью данного исследования является изучение суицидологических особенностей лиц с опасным потреблением алкоголя в зависимости от их пола. *Материалы и методы.* В исследовании приняли участие 435 молодых женщин

(86 – с опасным потреблением алкоголя, 349 – без него) и 456 молодых мужчин (с опасным потреблением алкоголя – 56, без него – 400). Главным критерием включения в исследуемую группу являлся набор баллов по тесту RUS-AUDIT, соответствующий опасному потреблению алкоголя. Математическую обработку данных проводили с помощью программы SPSS. *Результаты и их обсуждение.* Молодые мужчины с опасным потреблением алкоголя в два раза чаще в сравнении с женщинами совершали суицидальные попытки в последние два года, что практически сопоставимо с взрослыми мужчинами, уже страдающими алкогольной зависимостью. Сочетание суицидальных мыслей с попыткой самоубийства в исследуемой мужской группе составило 17,86%, в женской – 10,47%. Различные формы рискованного и опасного для жизни поведения в сочетании с импульсивностью значительно преобладают ($p < 0,05$) у мужчин исследуемой группы, показывая тем самым некий «мужской» вариант гендерного вектора аутоагрессивного поведения. Наркологические гендерные особенности молодых людей с опасным потреблением алкоголя (признание злоупотребления алкоголем в последние два года) в женской группе в 6 раз меньше, чем в группе мужчин, что нуждается в дальнейшем изучении. Чувство безысходности и сниженное настроение, как важнейшие факторы риска суицидального поведения отмечали 50 и более процентов лиц исследуемых групп. Мужчины с опасным потреблением алкоголя продемонстрировали «закрытость», склонность всё «держать в себе», что вполне соотносится с более низкой частотой размышлений о необходимости обращения к психиатру / психотерапевту в сравнении с женщинами исследуемой группы (46,15% против 68,05%). *Выводы.* При неблагоприятных в целом суицидологических профилях в обеих исследованных группах, тем не менее, имеются определённые гендерные особенности, имеющие принципиальное значение для формирования теоретических представлений и практической работы суицидолога в наркологии. Классические суицидальные феномены на данном этапе развития алкогольной траектории в меньшей степени характерны для молодых женщин с опасными формами потребления алкоголя. Однако в группе чаще обнаруживается целый ряд предикторов аутоагрессивного поведения аффективного спектра. Мужчин с опасным потреблением алкоголя характеризуют рискованно-виктимные паттерны реализации аутоагрессивных импульсов и частота потребления ПАВ.

Ключевые слова: опасное потребление алкоголя, донозологические формы злоупотребления алкоголем, бытовое пьянство, привычное пьянство, суицидальное поведение, аутоагрессивное поведение, суицидология, превентология

Злоупотребление алкогольными напитками, по-прежнему, остаётся крайне злободневным вопросом [1, 2], волнующим как медицинское сообщество, так и иные общественные институты, в виду его многогранного влияния на самые различные сферы жизни как непосредственно потребителя, так и государства в целом. Социальные последствия чрезмерного, не укладывающегося в общепринятые рамки потребления алкоголя, включают в себя постепенное разрушение социального ядра личности злоупотребляющего, создание экономических проблем в связи с затратностью на его лечение и реабилитацию [3], увеличение распространённости дорожно - транспортных происшествий [4, 5], несчастных случаев [6], противоправных действий [7], увеличения количества дней нетрудоспособности, случаев ранней инвалидизации и общей смертности [8], безусловно, включающей ставшую аксиоматической, суицидальную составляющую [1, 9]. Совершенно логично, что часть этих последствий возникает не только благодаря лицам с уже сформированной алкогольной зависимостью. Существует значительный вклад в обозначенные показатели людьми, потребляющими ал-

Abuse of alcoholic beverages, still remains an extremely topical phenomenon [1, 2], of concern to both the public community and other public institutions, in view of its multifaceted study on the most diverse framework of life, both for especially important persons and the state as a whole. The social consequences of increased alcohol consumption, which do not fit into generally accepted norms, include the gradual destruction of the core of the entrepreneur's personality, the creation of economic problems due to the costs of his treatment and rehabilitation [3], the identification of an increase in the frequency of traffic accidents [4, 5], accidents [6], illegal actions [7], a suicidal component [1, 9]. It is quite logical that some manifestations are manifested not only in patients with already identified alcohol addiction. There are significant values in the identified indicators in people who consume alcohol in excess, more often and in larger quantities than other citizens, but at the moment of the development of their alcohol trajectory, who do not yet reveal the

коголь сверхнормативно, чаще и в больших количествах, чем остальные граждане, но на данный момент развития своей алкогольной траектории, ещё не попадающих под критерии постановки диагноза «зависимость от алкоголя» (F10.2). То есть, помимо относительно хорошо изученного медико-социального «шлейфа» алкогольной зависимости, существуют и иные, крайне проблемные формы донозологического злоупотребления алкоголем [10], чей вклад в копилку тотального урона, причиняемого существованием алкогольных напитков в современном обществе, остаётся в значительной степени не изученным. Благодаря тесту RUS-AUDIT [11], созданному для выявления чрезмерного потребления алкоголя, впервые появилась возможность определить группу риска развития алкогольной зависимости и других нежелательных социальных и медицинских последствий. И если раньше все доклинические формы никак и нигде фактически не учитывались, в настоящее время, вектор отношения к ним меняется, учитывая огромный профилактический потенциал, заложенный в данном «срезе» знакомства с алкоголем. Особенно это актуально для лиц молодого возраста, находящихся в начальной точке формирования возможного зависимого поведения, при условии, что имеется широкая распространённость явления и частота сопряжённых с ним форм аутоагрессивного поведения [12-14].

Следует отметить, что гендерный аспект злоупотребления алкоголем до сих пор остаётся открытым в связи с разнообразностью и противоречивостью опубликованных данных [15], что, безусловно, вносит некоторые сложности в оценки уровней женского и мужского вклада в последствия зависимого и донозологического потребления алкоголя. Часть авторов сообщает о меньшей распространённости алкогольных проблем (и соответственно, медико-социальных последствий) среди женщин в сравнении с мужчинами (в 3-5 раз) [16]. Другие учёные склонны говорить о «выравнивании» половых различий среди злоупотребляющих алкоголем [17], зачастую и на донозологическом этапе.

Нам хорошо знакомы работы в области наркологической суицидологии, демонстрирующие отличия в суицидологических профилях мужчин и женщин, страдающих алкогольной зависимостью [18-20]. Основываясь на наших более ранних публикациях [12, 14], убедительно демонстрирующих присутствие значительно более высоких рисков аутоагрессивного поведения в группах молодых мужчин и молодых женщин, имеющих модель опасного потребления

definition of the diagnosis "alcohol addiction" (F 10.2). That is, there are exceptions to the relatively well-studied medical and social "tail" of alcohol addiction, combinations and other extremely problematic forms of pre-nosological alcohol abuse [10], which contribute to the treasury of total damage caused by alcohol poisoning addiction in public places, remain in conditions of extreme uncertainty. Due to the RUS-AUDIT test [11], designed to describe alcohol consumption, it became possible to identify a risk group for developing alcohol addiction and other special cases and side effects.

And if earlier all preclinical forms were not actually taken into account anywhere, at present, the vector of attitude towards them is changing, given the huge preventive potential inherent in this "section" of acquaintance with alcohol. It is especially true for young people, who are yet at the stage of formation of a possible addicted behavior, under the assumption that a wide frequency of manifestations of phenomena and frequencies associated with forms of auto-aggressive behavior [12-14].

It should be noted that the exclusive aspect of alcohol abuse still remains high due to the diversity and inconsistency of published data [15], which certainly introduces some degree of severity into the consequences of dependent and prenosological alcohol consumption. Some authors report problems associated with a lower probability of detecting alcohol (and, consequently, medical and social consequences) among women compared to men (3-5 times) [16]. Other scientists tend to talk about the "leveling" of the sexual representatives among those who abuse alcohol [17], often at the prenosological level.

We are well aware of works in the field of narcological suicidology, which demonstrate differences in the suicidological profiles of men and women suffering from alcohol addiction [18-20]. Based on our earlier publications [12, 14], which convincingly demonstrate the presence of significantly higher risks of auto-aggressive behavior in groups of young men and young women with a pattern of hazardous alcohol consumption, we can assume the existence of similar suicidolog-

алкоголя, можно предположить существование аналогичных суицидологических гендерных профилей, способных более дифференцированно отнестись к разработке возможных профилактических и терапевтических моделей. В работе мы попытались ответить на вопрос, имеет ли какое-либо значение пол лица, имеющего паттерн опасного потребления алкоголя, для формирования специфики профиля аутоагрессивного поведения и ожидаемых особенностей суицидологического анамнеза.

Целью данного исследования является изучение суицидологических особенностей лиц с опасным потреблением алкоголя в зависимости от их пола.

Задачи: сравнение гендерных особенностей аутоагрессивного, в том числе суицидального, поведения, а также, особенностей суицидологического анамнеза у молодых мужчин и женщин с опасным потреблением алкоголя; обоснование необходимости создания дифференциальных подходов к профилактике аутоагрессивного поведения у молодых мужчин и молодых женщин с опасным потреблением алкоголя, учитывающих их половую принадлежность и связанную с этим специфику саморазрушающего поведения.

Материалы и методы

В работе приняли участие 435 молодых женщин, из них в исследуемую группу вошли 86 с опасным потреблением алкоголя (ОПА), соответствующих критериям включения, средний возраст в группе составил – $22,34 \pm 3,68$ лет, а также 456 молодых мужчин, из которых критериям включения соответствовало 56 мужчин с ОПА, средний возраст в группе составил – $21,62 \pm 2,12$ лет. Все участники дали добровольное информированное согласие на участие в исследовании.

Критериями включения в исследуемые группы являлись: 9-13 баллов, набранных по тесту RUS-AUDIT для мужчин, и 5-9 баллов – для женщин, что соответствует «опасному потреблению алкоголя» [11]; употребление алкоголя в среднем более двух стандартных доз алкоголя (СДА) в сутки и/или более шести СДА за неделю; возраст от 20 до 27 лет, факт обучения в ВУЗе на момент проведения исследования, согласие на очное диагностическое интервью. В исследование не были включены лица: с наличием алкогольной зависимости или пагубного потребления алкоголя по критериям МКБ-10 и МКБ-11; не употребляющие алкоголь и имеющие уровень потребления алкоголя ниже пороговых доз по критериям ВОЗ; имеющие серьёзные психические или иные

ical gender profiles that can be more differentiated in the development of possible preventive and therapeutic models. In this paper, we tried to answer the question of whether the gender of a person with a pattern of dangerous alcohol consumption is of any importance for the formation of a specific profile of auto-aggressive behavior and the expected features of a suicidological history.

The aim of this study is a study of the suicidological characteristics of individuals with hazardous alcohol consumption, depending on their gender.

Objectives: to compare the gender characteristics of auto-aggressive, including suicidal, behavior, as well as the characteristics of a suicidological history in young men and women with hazardous alcohol consumption; substantiation of the need to create differential approaches to the prevention of auto-aggressive behavior in young men and young women with dangerous alcohol consumption, taking into account their gender and the associated specifics of self-destructive behavior.

Materials and methods

435 young women took part in the work, of whom the study group included 86 who showed hazardous alcohol consumption (HAC) and met the inclusion criteria, the mean age in the group was 22.34 ± 3.68 years, as well as 456 young men, of whom 56 men with HAC met the inclusion criteria, the mean age in the group was 21.62 ± 2.12 years. All participants gave voluntary informed consent to participate in the study.

The inclusion criteria for the group were: 9-13 points scored on the RUS-AUDIT test for men, and 5-9 points for women, which corresponds to "dangerous alcohol consumption" [11]; drinking on average more than two standard drinks of alcohol (SDA) per day and/or more than six SDA per week; age from 20 to 27 years, the fact of studying at a university at the time of the study, consent to a diagnostic interview. The study did not include individuals: with alcohol addiction or harmful use of alcohol according to the ICD-10 and ICD-11 criteria; do not drink alcohol and the observed level of alcohol consumption is below the threshold doses according to WHO criteria; the occurrence of serious diseases or the

сформированные наркологические расстройства на момент проведения исследования.

Тест RUS-AUDIT в настоящее время является основным инструментом для детекции опасного потребления алкоголя, рекомендованным ВОЗ, в том числе, для использования в России [11], ранее прекрасно себя зарекомендовавший в качестве скринингового опросника для выявления чрезмерного потребления алкоголя во множестве стран [21, 22].

Для оценки присутствия у респондентов аутоагрессивных паттернов и их предикторов в прошлом и настоящем использовался соответствующий опросник [23], который заполнялся респондентами совместно с врачом после предварительного клинического интервью для оценки присутствия психических, наркологических расстройств и заполнения теста RUS-AUDIT. С целью комплексной оценки суицидологического профиля в исследуемой группе также использовались: опросник суицидального риска в модификации Т.Н. Разуваевой [24], шкала социальной тревожности Либовица (Liebowitz Social Anxiety Scale) [25].

Статистический анализ и обработку данных проводили посредством непараметрических методов математической статистики с использованием критерия χ^2 , а также U-критерия Манна-Уитни. Описание данных в случае применения критерия χ^2 представлено в виде n (%) (абсолютное количество признаков группе и его процентное отношение к общему количеству членов группы), в случае применения критерия Манна-Уитни – в виде среднего арифметического и стандартного отклонения ($M \pm m$). Границы доверительного интервала (ДИ) для отношения шансов указаны в виде нижней (НГДИ) и верхней границы (ВГДИ). Математическую обработку данных проводили с помощью программы SPSS. Нулевая гипотеза о сходстве двух групп по оцениваемому признаку отвергалась при уровне значимости $p < 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Оценим присутствие классических суицидальных паттернов аутоагрессивного поведения в группах молодых женщин и мужчин, характеризующихся опасным потреблением алкоголя. Полученные в исследовании данные представлены в таблице 1.

Данные, представленные в таблице, демонстрируют отсутствие статистически значимых отличий между группами в отношении рассматриваемых критериев, при в целом высоких показателях в группах в отношении нормативного контроля [12, 14].

formation of drug addiction disorders at the time of the study.

RUS-AUDIT test is currently a case of detecting cases of hazardous alcohol consumption, recommended by WHO, including for drinking in Russia [11], which previously proved to be excellent as a screening questionnaire for measuring excessive alcohol consumption in many countries [21, 22].

To assess whether respondents had auto-aggressive patterns and their predictors in the past and at present, a suitable questionnaire is used [23], which was implemented by the respondents together with a doctor after an exemplary clinical study to assess the presence of auto-aggressive patterns, substance abuse disorders and the content of the RUS-AUDIT test. For the purpose of a comprehensive assessment of the suicidal profile in the industry, there are also effects: a survey of suicidal risk in modifications T.N. Razuvaeva [24], the Liebowitz Social Anxiety Scale (Liebowitz Social Anxiety Scale) [25].

Statistical analysis and data processing are carried out using non-parametric methods of mathematical statistics using the χ^2 test as well as the Mann-Whitney U-test. Description of the data in the case of applying the criterion χ^2 presented as n (%) (the absolute number of features of its group and percentage of the total number of groups), in the case of applying the Mann-Whitney sampling criteria – as an arithmetic mean and standard deviation ($M \pm m$). The boundaries of the confidence interval (CI) for the odds ratio should be specified as the lower (LBCI) and upper bounds (UBCI). Mathematical data processing is carried out using the SPSS program. The null hypothesis about the similarity of the two groups in terms of the trait was rejected at a perception level of $p < 0.05$.

Results and its discussion

Let's evaluate the presence classic suicidal patterns of auto-aggressive behavior in young women and men characterized by hazardous alcohol consumption. Received in the test, the data are presented in table 1.

The data presented in the table demonstrate the absence of statistically significant differences between groups in relation to the considered criteria, with generally high rates in the groups in relation to normative control [12, 14].

Таблица / Table 1

Представленность классических аутоагрессивных паттернов у молодых женщин и мужчин с опасным потреблением алкоголя / Identification of classic auto-aggressive patterns in young women and men with hazardous alcohol consumption

Критерий Criterion	Женщины с ОПА Women with DAC n=86		Мужчины с ОПА Men with DAC n=56		χ^2	P
	n	%	n	%		
Суицидальная попытка в последние два года Suicidal attempt in the last two years	4	4,65	6	10,71	1,90	0,1676
Суицидальная попытка в анамнезе вообще History of suicide attempt in general	9	10,47	10	17,86	1,60	0,2061
Суицидальные мысли в последние два года Suicidal thoughts in the last two years	26	30,23	22	39,29	1,24	0,2650
Суицидальные мысли в анамнезе вообще History of suicidal thoughts in general	43	50,0	34	60,71	1,57	0,2104

Несмотря на отсутствие отличий, тем не менее, хорошо заметна разница в частоте выявления суицидальных попыток. Молодые мужчины с опасным потреблением алкоголя в два раза чаще совершали их в относительно недавний временной интервал (последние два года), что в определенном смысле, разнится с уже устоявшимися представлениями о «гендерном парадоксе» [26, 27]. На данном этапе представляется возможным высказать предположения о более отчетливой связи опасного потребления алкоголя в мужской группе и вероятности попытки самоубийства. Более того, ранее нами отмечался тот факт, что по представленности последних, изучаемая мужская группа скорее сопоставима с взрослыми мужчинами, уже страдающими алкогольной зависимостью [12].

Despite the absence of differences, nevertheless, the difference in the frequency of detection of suicidal attempts is clearly visible. Young men with hazardous alcohol consumption were twice as likely to commit suicide attempts in a relatively recent time interval (the last two years), which in a certain sense differs from the already established ideas about the “gender paradox” [26, 27]. At this stage, it seems possible to suggest a more distinct relationship between the dangerous consumption of alcohol in the male group and the likelihood of a suicide attempt. Moreover, earlier we noted the fact that, according to the representation of the latter, the studied male group is rather comparable with adult men already suffering from alcohol addiction [12].

Таблица / Table 2

Представленность классических аутоагрессивных паттернов у групп контроля
Representation of classical auto-aggressive patterns in group control

Критерий Criterion	Женская контр. группа Female control group n=349		Мужская контр. группа Male control group n=400		χ^2	P
	n	%	n	%		
Суицидальная попытка в последние два года Suicidal attempt in the last two years	6	1,72	4	1	0,73	0,3923
Суицидальная попытка в анамнезе вообще History of suicide attempt in general	20	5,73	14	3,5	2,14	0,1435
Суицидальные мысли в последние два года Suicidal thoughts in the last two years	71	20,34	46	11,5	11,06	0,0009
Суицидальные мысли в анамнезе вообще History of suicidal thoughts in general	145	41,55	110	27,5	16,38	0,0001

В меньшей степени данная особенность касается вероятности обнаружения суицидальных мыслей: в последние два года (39,39% против 30,23%) и на протяжении жизни вообще (60,71% против 50%), однако, и в данном случае нарушаются привычные пропорции в данной возрастной группе [28]. К сожалению, согласно результатам имеющихся исследований, до 20% людей с суицидальными мыслями позже предпринимают попытки самоубийства [29], сочетание же таковых с имеющейся в прошлом суицидальной попыткой, ещё более значительно повышают суицидальный риск. В нашем случае такое сочетание в мужской группе составило – 17,86% участников исследования, в женской – 10,47%. Личностно-социальные особенности мужчин [30], а именно культивируемые обществом идеи о нежелательности демонстрации своих душевных проблем, послужили причиной большей сложности выявления у них суицидальных паттернов, требовалось более подчеркнутое создание атмосферы безопасности и мотивирующие респондента подходы в интервью. Девушки с большей легкостью обсуждали затрагиваемые темы, особенно в контексте предполагаемой психотерапевтической коррекции.

Для иллюстрации привычных пропорций в отношении исследуемых признаков приведем значение аналогичных переменных в контрольных группах, использованных в предыдущих работах [12, 14].

В данных, приведённых в табл. 2, хорошо видно обратное соотношение рассматриваемых критериев.

Полученные данные, несмотря на некоторые обнаруженные особенности, в целом говорят в пользу высокой суицидальной напряжённости как у молодых мужчин, с опасным потреблением алкоголя, так и у молодых женщин, со схожими паттернами злоупотребления. Это в свою очередь диктует необходимость разработки профилактических алгоритмов для снижения риска суицидального поведения в обеих группах, безусловно, с учетом имеющейся гендерной специфичности.

Оценивая несуйцидальные аутоагрессивные паттерны в изучаемых группах (табл. 3), так же обнаруживается более неблагоприятная ситуация в исследуемой группе мужчин. Начнём анализ полученных данных с оценки присутствия самоповреждений с декларируемым несуйцидальным характером. Самоповреждения в настоящее время зачастую рассматриваются в качестве копинг-стратегии [31], направленной на преодоление душевной боли посредством ее трансформации в боль физическую, без конечной цели самоубийства.

To a lesser extent, this feature concerns the probability of detecting suicidal thoughts: in the last two years (39.39% vs. 30.23%) and throughout life in general (60.71% vs. 50%), however, in this case, the usual proportions in this age group are violated [28]. Unfortunately, according to the results of available studies, up to 20% of people with suicidal thoughts later attempt suicide [29], and the combination of such with a past suicide attempt increases the risk of suicide even more. In our case, such a combination in the male group was 17.86% of the study participants, in the female group – 10.47%. The personal and social characteristics of men [30], namely the ideas cultivated by society about the undesirability of demonstrating their mental problems, caused greater difficulty in identifying suicidal patterns in them, more emphasized creation of an atmosphere of safety and motivating respondent approaches in interviews were required. Girls discussed the topics covered with greater ease, especially in the context of the proposed psychotherapeutic correction.

To illustrate the usual proportions in relation to the studied traits, we present the value of similar variables in the control groups used in previous works [12, 14].

The data presented in Table 2 clearly shows the inverse relationship between the observed results.

The findings, despite some features found, generally point to the use of high suicidal tension in both young men with hazardous alcohol consumption and young women with common patterns of abuse. This, in turn, dictates the need to develop preventive algorithms to identify the risk of suicidal behavior in a group, of course, with the detection of an unusual feature.

Estimated non-suicidal autoaggressive patterns in the studied groups (table 3), a more unfavorable situation is also found in a certain group of men.

Let's start the analysis of the obtained data with an assessment of the presence of self-harm with a declared non-suicidal character. Self-harm is now often considered as a coping strategy [31], aimed at overcoming mental pain by transforming it into physical pain, without the ultimate goal of suicide. Nevertheless, it is quite often indicated that such self-harm is associated with a high

Тем не менее достаточно часто указывается на предположительную связь подобных самоповреждений с высоким суицидальным риском [32]. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют констатировать паритетность представленности подобных паттернов в изучаемых группах, при существенно больших показателях, нежели в аналогичных гендерных группах без опасного потребления алкоголя [12, 14].

suicidal risk [32]. The data at our disposal allow us to state parity in the representation of such patterns in the studied groups, with significantly higher rates than in similar gender groups without hazardous alcohol consumption [12, 14]. This fact, in our opinion, speaks in favor of the generality of the phenomenon of paraalcoholic autoaggression, which is gender universal.

Таблица / Table 3

Представленность несуйцидальных аутоагрессивных паттернов у молодых мужчин с опасным потреблением алкоголя / Representation of non-suicidal auto-aggressive patterns in young men with hazardous alcohol consumption

Критерий Criterion	Женщины с ОПА Females with DAC n=86		Мужчины с ОПА Males with DAC n=56		χ^2	P	ОШ OR	ДИ CI	
	n	%	n	%				НГДИ LBCI	ВГДИ UBCI
Самоповреждения в последние 2 года Self-harm in the last 2 years	15	17,44	8	14,29	0,25	0,6179	–	–	–
Самоповреждения в анамнезе вообще History of self-harm in general	23	26,75	16	28,57	0,06	0,8116	–	–	–
Факты незащищенного секса с малознакомыми партнерами в последние 2 года Facts of unprotected sex with unfamiliar guests in the last 2 years	7	8,14	14	25	7,65	0,0057	0,266	0,100	0,709
Склонность к риску в последние 2 года Risk taking in the last 2 years	9	10,47	16	28,57	7,66	0,0056	0,292	0,119	0,720
Несчастные случаи в последние 2 года Accidents in the last 2 years	17	19,77	26	46,43	11,42	0,0007	0,284	0,135	0,600
Несчастные случаи в анамнезе вообще History of accidents in general	32	37,21	34	60,71	7,53	0,0061	0,383	0,192	0,766
Опасные хобби в последние 2 года Dangerous hobbies in the last 2 years	6	6,98	20	35,71	18,73	0,0000	0,135	0,050	0,365
Субъективное ощущение злоупотребления алкоголем в последние 2 года Subjective feeling of alcohol abuse in the last 2 years	5	5,81	20	35,71	20,90	0,0000	0,111	0,039	0,319
Субъективное ощущение злоупотребления алкоголем ранее Subjective feeling of previous alcohol abuse	10	11,63	18	32,14	9,02	0,0027	0,278	0,117	0,660
Факты употребления наркотических веществ в последние 2 года Facts of drug use in the last 2 years	5	5,81	10	17,86	5,21	0,0225	0,284	0,091	0,882

Этот факт, на наш взгляд, говорит в пользу общности феномена параалкогольной аутоагрессии, носящего гендерно универсальный характер. Говоря о самоповреждениях, можно вспомнить и об сопутствующей ему импульсивности, которая в большинстве случаев присутствует как характерная личностная черта [33]. Именно она способна запускать целый каскад рискованных паттернов, приводящих к непредсказуемым последствиям. Полученные в данной работе данные не столь однозначны и прямолинейны: склонность к риску и импульсивным действиям за последние два года отметили у себя 28,57% мужчин с опасным потреблением алкоголя, что более чем в два раза превышает этот показатель в исследуемой группе женщин. По этой причине связь рискованного, импульсивного поведения и нанесения себе самоповреждений в группах с опасным потреблением алкоголя нуждается в дальнейшем прояснении. В целом, рискованные модусы более характерны для мужской популяции [34], однако в нашем случае, речь идёт о поведении импульсивном, малообдуманном, часто сопряжённом с употреблением алкоголя и отчётливой опасностью для жизни. С этой же особенностью ассоциированы и прочие, преимущественно мужские, несуйцидальные аутоагрессивные паттерны, а именно несчастные случаи, рискованные формы сексуального поведения, частота субъективно опасно оцениваемых несчастных случаев.

Любопытными кажутся и обнаруженные наркологические особенности, часто относимые так же к несуйцидальному спектру аутоагрессии. Речь идёт о фактах несистематического приёма наркотических веществ, статистически значимо чаще обнаруживаемых у лиц мужского пола. Та же закономерность касается и субъективной оценки себя как человека, злоупотребляющего алкоголем. Прекрасно понимая, что обе исследуемые группы согласно результатам теста RUS-AUDIT находятся в зоне отчётливого риска формирования алкогольной зависимости. Тем не менее, в женской группе субъективная оценка себя как «излишне много пьющей» в шесть раз меньше за период последних двух лет (именно эти годы наиболее часто приходились на формирование устойчивого паттерна опасного потребления алкоголя). Подобную недооценку в женской подгруппе сложно объяснить каким-то одним образом. Вариант ли это более раннего включения алкогольных отрицающих механизмов, либо вопрос культурально-обусловленных полоролевых моделей поведения, включающих стыдливость и тенденцию скрывать имеющиеся наркологические

Speaking of self-harm, one can also recall the accompanying impulsivity, which in most cases is present as a characteristic personality trait [33]. This is what is able to launch a whole cascade of risky patterns leading to unpredictable consequences. The data obtained in this study are not so unambiguous and straightforward: over the past two years, 28.57% of men with hazardous alcohol consumption have noted a tendency to take risks and impulsive actions, which is more than twice as high as this indicator in the study group of women. For this reason, the relationship between risky, impulsive behavior and self-harm in hazardous drinking groups needs further clarification. In general, risky modes are more characteristic of the male population [34], however, in our case, we are talking about impulsive, little-thought-out behavior, often associated with alcohol consumption and a clear danger to life. Other, predominantly male, non-suicidal auto-aggressive patterns are associated with the same feature, namely, accidents, risky forms of sexual behavior, and the frequency of subjectively dangerously assessed accidents.

The discovered narcological features, which are often attributed to the non-suicidal spectrum of auto-aggression, also seem curious. We are talking about the facts of non-systematic use of narcotic substances, statistically significantly more often found in males. The same pattern applies to the subjective assessment of oneself as a person who abuses alcohol. Knowing full well that both study groups, according to the results of the RUS-AUDIT test, are in the zone of a distinct risk of developing alcohol dependence. However, in the women's group, the subjective assessment of oneself as "too much drinking" is six times less over the past two years (these years most often accounted for the formation of a stable pattern of dangerous alcohol consumption). Such an underestimation in the female subgroup is difficult to explain in any one way. Whether this is a variant of the earlier inclusion of alcohol denial mechanisms, or a question of culturally determined sex-role behaviors, including modesty and a tendency to hide existing drug problems, which requires further clarification. This paradox or dissociation is especially notable because the RUS-AUDIT questions are very straightforward and somewhat

проблемы, что требует дальнейшего уточнения. Данный парадокс или диссоциация особенно примечательны тем, что вопросы теста RUS-AUDIT носят весьма прямолинейный и отчасти стигматизирующий характер. Данные показатели в мужской группе, логичным образом, заметно снизятся в случае формирования алкогольной зависимости [35] и сопровождающих её защитных психологических механизмов.

Перейдём к оценке представленности предикторов аутоагрессивного поведения в исследуемых группах. Нами не было обнаружено статистически значимых отличий в отношении всего спектра используемых в исследовании предикторов [23]. Тем не менее, для понимания представленности таковых в исследуемых группах, приведём ряд из них в таблице 4.

Чувство безысходности и сниженное настроение, как важнейшие факторы риска суицидального поведения [36-38], отмечали 50 и более процентов лиц исследуемых групп, что, безусловно, значимо превышает похожие значения в группах лиц без опасного потребления алкоголя, что было продемонстрировано ранее [12, 14]. С клинической точки зрения весьма любопытна большая частота встречаемости в мужской группе такой личностной характеристики как закрытость от обсуждения текущих проблем, склонность держать неприятности «в себе». Вероятно, с этой же особенностью связано и меньшее желание в получении специфической психиатрической или психотерапевтической помощи.

Подобное «молчаливое страдание» значительно затрудняет своевременную суицидологическую диагностику, что соотносится с неутешительной статистикой мужских суицидов [30].

stigmatizing. These indicators in the male group, logically, will noticeably decrease in the case of the formation of alcohol dependence [35] and the protective psychological mechanisms that accompany it.

Let's move on to assessing the representation of predictors of auto-aggressive behavior in the elections of peoples. We did not test for differences across predictor coverage [23]. However, in order to understand the representation of those in the Islamic regions, a number of them are given in Table 4.

Feelings of hopelessness and low mood as increased risk factors for suicidal behavior [36-38], the number 50 and higher severity of group consumption, which, of course, reaches a significant value in groups of individuals without hazardous alcohol consumption, which was previously demonstrated [12, 14]. From the point of view of a very attentive, curious, higher frequency of occurrence in the male group, such a personality characteristic as closeness from discussions of current problems, a tendency to keep troubles “in oneself”. The likelihood, with the same feature, and a decrease in desire to receive specific psychiatric or psychotherapeutic assistance. Such "silent suffering" greatly outweighs the timely suicidal danger, which is associated with unfavorable statistics of male suicides [30].

In the course of considering the results of a survey of suicidal risk in the modifications of T.N. Razuvaeva, the information received is presented in Table 5.

Таблица / Table 4

Представленность ряда предикторов аутоагрессивного поведения у молодых женщин и мужчин с опасным потреблением алкоголя / Representation of a number of predictors of auto-aggressive behavior in young women and men with hazardous alcohol consumption

Критерий Criterion	Женщины с ОПА Women with DAC n=86		Мужчины с ОПА Men with DAC n=56		χ^2	P
	n	%	n	%		
Чувство безысходности в последние 2 года Feelings of hopelessness in the last 2 years	50	58,14	28	50	0,91	0,3408
Депрессивные переживания в последние 2 года Depressive trauma in the last 2 years	54	62,79	28	50	2,27	0,1376
Предпочтение всё неприятности «держать в себе» Warning of any trouble "keep in yourself"	48	55,81	40	71,43	3,51	0,0611
Желание обратиться к психиатру / психотерапевту в анамнезе вообще Desire to see a psychiatrist / psychotherapist more often in history in general	49	68,05	24	46,15	2,71	0,0999

Таблица / Table 5

Статистически значимые отличия по опроснику суицидального риска в модификации Т.Н. Разуваевой у молодых женщин и мужчин с опасным потреблением алкоголя / Statistically significant signs according to the questionnaire of suicidal risk in the modifications of T.N. Razuvaeva in young women and men with hazardous alcohol consumption

Шкала Scale	Женщины с ОПА Women with DAC n=86, M±m	Мужчины с ОПА Men with DAC n=56, M±m	U эксп. U exp.	P
Аффективность Affectivity	3,210±1,739	2,514±1,942	1883	0,0286
Максимализм Maximalism	2,828±2,163	1,257±1,798	1471	0,0001

В заключении рассмотрим результаты опросника суицидального риска в модификации Т.Н. Разуваевой, полученные данные представлены в таблице 5.

Женщины исследуемой группы продемонстрировали заметно большую аффективную заряженность, способность нарочито резко выражать имеющиеся эмоциональные переживания и идти у них на поводу. Так же они характеризуются максимализмом, зачастую носящим инфантильный характер, из-за которого нередко отмечается тенденция к генерализации локальных проблем по типу «всё или ничего».

Анализ шкалы социальной тревожности Либовица обнаруживает в женской группе отчётливое преобладание таких состояний, как эмоциональный дискомфорт, социальная напряжённость и опасения в отношении оценок другими людьми (92,11±25,88 и 76,78±24,44 соответственно, U эксп.=1544, p=0,0003), что вполне согласуется с похожими данными, касающимися аналогичных показателей у женщин с уже сформированной алкогольной зависимостью [39].

Выводы

При в целом неблагоприятных суицидологических профилях в обоих исследованных группах, тем не менее, имеются определённые гендерные особенности, имеющие принципиальное значение для формирования теоретических представлений и практической работы суицидолога в наркологии.

Классические суицидальные феномены на данном этапе развития алкогольной траектории в меньшей степени характерны для молодых женщин с опасными формами потребления алкоголя.

Мужчин с опасным потреблением алкоголя в большей степени характеризуют рискованно - викарные паттерны реализации аутоагрессивных импульсов и факты потребления ПАВ. Они в большей степени склонны удерживать проблемы «в себе» и избегать их решения.

The women of the study group demonstrated noticeably greater affective charge, the ability to deliberately sharply express existing emotional experiences and follow their lead. They are also characterized by maximalism, often of an infantile nature, due to which there is often a tendency to generalize local problems according to the “all or nothing” type.

An analysis of the Liebowitz Social Anxiety Scale reveals in the female group a clear predominance of such conditions as emotional discomfort, social tension and fears regarding assessments by other people (92.116±25.88 and 76.786±24.44, respectively, U exp. =1544, =0.0003), which is quite consistent with similar data regarding similar indicators in women with already formed alcohol dependence [39].

Conclusions

With generally unfavorable suicidal profiles in both studied groups, however, there are certain gender characteristics that are of fundamental importance for the formation of theoretical concepts and practical work of a suicidologist in narcology.

Classical suicidal phenomena at this stage of the development of the alcohol trajectory are less typical for young women with dangerous forms of alcohol consumption.

Men with hazardous alcohol consumption are more characterized by risky-victim patterns of realization of auto-aggressive impulses and facts of substance use. They are more likely to keep problems "in themselves" and avoid solving them.

The values of the variables of the questionnaire of suicidal risk, with a generally

Значения переменных опросника суицидального риска, при в целом большей аффектированности и завьшенности притязаний у женщин с опасным потреблением алкоголя, в остальном весьма сходны, что лишний раз указывает на аналогичную реакцию в результате формирования опасного потребления алкоголя.

greater affectivity and overestimation of claims in women with dangerous alcohol consumption, are otherwise very similar, which once again indicates a similar reaction as a result of the formation of dangerous alcohol consumption.

Литература / References:

1. Немцов А.В., Шельгин К.В. Потребление алкоголя в России: 1956-2013 гг. XVI Съезд психиатров России. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием "Психиатрия на этапах реформ: проблемы и перспективы: Тезисы, Казань, 23–26 сентября 2015 года / Отв. редактор Н.Г. Незнанов. Казань: ООО «Альта Астра», 2015: 414. [Nemczov A.V., K.V. Shely'gin. Alcohol consumption in Russia: All-Russian Scientific and Practical conference with international participation "Psychiatry at the stages of reforms: problems and prospects: Abstracts, Kazan, September 23-26, 2015 / Responsible editor N.G. Neznanov. Kazan: Alta Astra LLC, 2015: 414.] (In Russ)
2. Кошкина Е.А., Киржанова В.В., Павловская Н.И. и др. Особенности употребления алкоголя среди молодежи в России на современном этапе. *Наркология*. 2007; 1 (61): 19-23. [Koshkina E.A., Kirzhanova V.V., N. Pavlovskaya N.I., et al. Alcohol use among youth of Russia at the present moment. *Narcology*. 2007; 1 (61): 19-23.] (In Russ)
3. Rehm J., Mathers C., Popova S., et al. Global burden of disease and injury and economic cost attributable to alcohol use and alcohol-use disorders. *Lancet*. 2009; 373: 2223–2233.
4. Damacena G.N, Malta D.C, Boccolini C.S., et al. Alcohol abuse and involvement in traffic accidents in the Brazilian population, 2013. Consumo abusivo de álcool e envolvimento em acidentes de trânsito na população brasileira, 2013. *Cien Saude Colet*. 2016; 21 (12): 3777-3786. DOI: 10.1590/1413-812320152112.25692015
5. Сошников С.В. Роль алкогольного фактора в формировании потерь здоровья населения в результате дорожно-транспортных происшествий (на примере Москвы): Автореф. дисс. ... к.м.н. М., 2008. 27 с. [Soshnikov S.V. The role of the alcohol factor in the formation of population health losses as a result of traffic accidents (on the example of Moscow): Autoref. diss. ... Ph.D. M., 2008. 27 s.] (In Russ)
6. Алексеевская Т.И., Селедцов А.А. Проблема алкогольной смертности на современном этапе. *Байкальский медицинский журнал*. 2013; 123 (8): 86-88. [Aleksееvskaya T.I., Seledtsov A.A. The problem of alcohol mortality at the present stage. *Baikal Medical Journal*. 2013; 123 (8): 86-88.] (In Russ)
7. Шевцова Ю.Б. Игонин А.Л., Индин А.С. Злоупотребление алкоголем и агрессивное поведение. Сообщение 2. *Наркология*. 2007; 9 (69): 42-52. [Shevcova Yu.B. Igonin A.L., Indin A.S. Alcohol abuse and aggressive behavior. Message 2. *Narcology*. 2007; 9 (69): 42-52.] (In Russ)
8. Кошкина Е.А., Павловская Н.И., Ягудина Р.И. и др. Медико-социальные и экономические последствия злоупотребления алкоголем в России. *Социальные аспекты здоровья населения*. 2010; 14 (2). [Koshkina E.A., Pavlovskaya N.I., YAgudina R.I. et al. Health and social and also economic consequences of alcohol abuse in the Russian Federation. *Social aspects of public health*. 2010; 14 (2).] (In Russ)
9. Шустов Д.И. Аутоагрессия, суицид и алкоголизм. Москва: Когито-Центр, 2005. 214 с. [Shustov D.I. Auto-aggression, suicide and alcoholism. Moscow: Kogito-Center, 2005. 214 s.] (In Russ)
10. World Health Organization. Lexicon of alcohol and drug terms. Geneva: WHO; 1994. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/39461>
11. Отчёт о реализации проекта RUS-AUDIT: Адаптация и валидация теста AUDIT (Alcohol Use Disorders Identification Test) для выявления расстройств, обусловленных употреблением алкоголя в Российской Федерации. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/350879>. [Report on the implementation of the RUS-AUDIT project: Adaptation and validation of the AUDIT test (Alcohol Use Disorders Identification Test) to identify disorders caused by alcohol consumption in the Russian Federation. <https://apps.who.int/iris/handle/10665/350879>] (In Russ)
12. Уманская П.С. Суицидальное поведение больных алкоголизмом: отношение врачей-наркологов. *Академический журнал Западной Сибири*. 2016; 12 (5): 58-59. [Umanskaya P.S. Suicidal behavior of alcoholism patients: the attitude of narcologists. *Academic Journal of West Siberia / Akademicheskii zhurnal Zapadnoy Sibiri*. 2016; 12 (5): 58-59.] (In Russ)
13. Полкова К.В., Меринов А.В. Современное представление об опасном потреблении алкоголя. Инновационные технологии в медицине: взгляд молодого специалиста: Сб. докладов VIII Всероссийской научной конференции молодых специалистов, аспирантов, ординаторов, Рязань, 21 октября 2022 года / Под ред. Р.Е. Калинина, И.А. Сучкова. Рязань: Рязанский ГМУ им. акад. И.П. Павлова, 2022: 85-86. [Polkova K.V., Merinov A.V. Modern understanding of the dangerous consumption of alcohol. Innovative technologies in medicine: the view of a young specialist: Collection of reports of the VIII All-Russian scientific conference of young specialists, graduate students, residents, Ryazan', 21 October, 2022 / Edited by R.E. Kalinin, I.A. Suchkov. Ryazan': Ryazan SMU named after I.P. Pavlov, 2022: 85-86.] (In Russ)
14. Полкова К.В., Меринов Н.Л., Новичкова А.С. Суицидологическая оценка женщин, страдающих алкогольной зависимостью. *Девиянтология*. 2019; 3 (2): 20-26. [Polkova K.V., Merinov N.L., Novichkova A.S. Suicidological assessment of women affecting alcohol dependence. *Deviant Behavior (Russia) / Deviantologiya*. 2019; 3 (2): 20-26.] (In Russ)
15. Байкова М.А., Сомкина О.Ю., Лукашук А.В., Меденцева Т.А. Алкогольная зависимость как вариант личностной аутоагрессии (обзор литературных данных). *Научный форум. Сибирь*. 2016; 2 (1): 46-50. [Bайkova M.A., Somkina O.Y., Lukashuk A.V., Medintseva T.A. Alcohol dependence as a personal variant of autoaggression (review of literature). *Scientific forum. Siberia / Nauchnyj forum. Sibir'*. 2016; 2 (1): 46-50.] (In Russ)
16. Frye M.A., Altshuler L.L., S.L. McElroy., et al. Gender differences in prevalence, risk, and clinical correlates of alcoholism comorbidity in bipolar disorder. *Am. J. Psychiatry*. 2003; 160 (5): 883-889.
17. Weijers H.G., Wiesbeck G.A., Wodarz N., et al. Gender and personality in alcoholism. *Arch. Women Ment. Health*. 2003; 6 (4): 245-252.

18. Сомкина О.Ю., Меринов А.В., Байкова М.А. Отличительные особенности наркологической характеристики женщин и мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, в контексте аутоагрессивного поведения. *Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова*. 2016; 4: 78-83. [Somkina O.YU., Merinov A.V., Bajkova M.A. Key characteristics of women and men suffering from alcohol dependence in the context of auto-aggressive behaviour. *I.P. Pavlov Russian medical biological herald*. 2016; 4: 78-83.] (In Russ)
19. Бохан Н.А., Приленский Б.Ю., Уманская П.С. Суицидальное поведение мужчин и женщин молодого возраста, перенесших алкогольный психоз. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2014; 3 (84): 31-34. [Bohan N.A. Prilenskij B.YU., Umanskaya P.S. Suicidal behavior of young men and women who have had alcoholic psychosis. *Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology*. 2014; 3 (84): 31-34.] (In Russ)
20. Разводовский Ю.Е., Мокров Ю.В. Социальные и клинические корреляты алкогольной зависимости у мужчин. *Академический журнал Западной Сибири*. 2019; 15 (6); 3-6. [Razvodovsky Y.E., Mokrov Y.V. Social and medical correlates of alcohol dependence in men. *Academic Journal of West Siberia / Akademicheskij zhurnal Zapadnoj Sibiri*. 2019; 15 (6); 3-6.] (In Russ)
21. Ballester L., Alayo I., Vilagut G., et al. Validation of an Online Version of the Alcohol Use Disorders Identification Test (AUDIT) for Alcohol Screening in Spanish University Students. *Int J Environ Res Public Health*. 2021; 18 (10): 5213. Published 2021 May 14. DOI: 10.3390/ijerph18105213
22. Moussas G., Dadouti G., Douzenis A., et al. The Alcohol Use Disorders Identification Test (AUDIT): reliability and validity of the Greek version. *Ann Gen Psychiatry*. 2009; 8: 11. Published 2009 May 14. DOI: 10.1186/1744-859X-8-11
23. Шустов Д.И., Меринов А.В. Диагностика аутоагрессивного поведения при алкоголизме методом терапевтического интервью: пособие для врачей психиатров-наркологов и психотерапевтов. М.; 2000. 20 с. [Shustov D.I., Merinov A.V. Diagnosis of auto-aggressive behavior in alcoholism by the method of therapeutic interviews: a manual for psychiatrists, narcologists and psychotherapists. Moscow, 2000. 20 p.] (In Russ)
24. Разуваева Т.Н. Диагностика личности. Шадринск: Исеть, 1993. 26 с. [Razuvaeva T.N. Personality diagnosis. Shadrinsk: Iset', 1993. 26 p.] (In Russ)
25. Baker M., Kim L.J., Hoffman S.G. The Liebowitz social anxiety scale as a self-report instrument: a preliminary psychometric analysis. *Behaviour Research and Therapy*. 2002; 40: 701-715.
26. Scourfield J., Evans R. Why might men be more at risk of suicide after a relationship breakdown? Sociological insights. *American Journal of Men's Health*. 2015; 9: 380-384. DOI: 10.1177/1557988314546395
27. Griffin L., Hosking W., Gill P.R., et al. The Gender Paradox: Understanding the Role of Masculinity in Suicidal Ideation. *Am J Mens Health*. 2022; 16 (5): 15579883221123853. DOI: 10.1177/15579883221123853
28. Chamberlain P., Goldney R., Delfabbro P., et al. Suicidal ideation: The clinical utility of the K10. *Crisis*. 2009; 30 (1): 39-42. DOI: 10.1027/0227-5910.30.1
29. Montemarano V., Troister T., Lambert C. E., et al. A four-year longitudinal study examining psychache and suicide ideation in elevated-risk undergraduates: A test of Shneidman's model of suicidal behavior. *Journal of Clinical Psychology*. 2018; 74 (10): 1820-1832. DOI: 10.1002/jclp.22639
30. Гречко Т.Ю. Готтладская шкала мужской депрессии (GSMD) в клинической практике (обзор литературы). Психиатрия: современные тенденции охраны психического здоровья: Сборник научных трудов, Иваново, 2017 / Под общей редакцией Е.В. Руженской. Иваново: Ивановская ГМА, 2017: 27-30. [Grechko T.Yu. Gotlad scale for male depression (GSMD) in clinical practice (literature review). *Psychiatry: modern trends in mental health protection: Collection of scientific papers, Ivanovo, 2017 / Under the general editorship of E.V. Ruzhenskaya. Ivanovo: Ivanovo SMA, 2017: 27-30.] (In Russ)*
31. Наумова Я.А. Аутоагрессия как копинг-стратегия. Актуальные вопросы публичного права: Сборник трудов конференции XVIII Всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 31 октября – 01 ноября 2019 года, Екатеринбург: ФГБОУ ВО "Уральский государственный юридический университет", 2019: 889-893. [Naumova YA. A. Autoaggression as a coping strategy. *Topical Issues of Public Law: Proceedings of the Conference of the XVIII All-Russian Scientific Conference of Young Scientists and Students, Ekaterinburg, 31 October – 01 November, 2019, Ekaterinburg: "Ural State University of Law", 2019: 889-893.] (In Russ)*
32. Murphy E., Kapur N., Webb R., et al. Risk factors for repetition and suicide following self-harm in older adults: Multicentre cohort study. *Br. J. Psychiatry*. 2012; 200: 399-404. DOI: 10.1192/bjp.bp.111.094177
33. Chamberlain S.R., Redden S.A., Grant J.E. Associations between self-harm and distinct types of impulsivity. *Psychiatry Res*. 2017; 250: 10-16. DOI: 10.1016/j.psychres.2017.01.050
34. Шарок В.В. Гендерные различия в склонности к рискованному поведению, связанному со здоровьем. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Часть 2, Уфа, 15 мая 2015 года / Под редакцией А.А. Сукиасяна. Уфа: «Аэтерна», 2015: 250-252. [Sharok V.V. Gender differences in propensity for risky health-related behavior. *Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Part 2, Ufa, 15 May, 2015 / Edited by A.A. Sukiasyan. Ufa: «Aeterna», 2015: 250-252.] (In Russ)*
35. Меринов А.В. Роль и место феномена аутоагрессии в семьях больных алкогольной зависимостью. СПб: Экспертные решения, 2017. 192 с. [Merinov A.V. The role and place of the phenomenon of autoaggression in the families of patients with alcohol addiction. St. Petersburg: Expert solutions, 2017. 192 p.] (In Russ)
36. Хлусов И.И. Медико-психологическая оценка факторов риска суицидального поведения у лиц разных возрастных групп. *Вестник психотерапии*. 2011. 37 (42): 50-55. [Hlusov I.I. Medico-psychological assessment of risk factors for suicidal behavior in different age groups. *Bulletin of Psychotherapy*. 2011. 37 (42): 50-55.] (In Russ)
37. Галкин С.А., Бохан Н.А. Влияние исполнительного функционирования на суицидальное поведение при коморбидности алкогольной зависимости и аффективных расстройств. *Девуантология*. 2021; 5 (1): 23-29. [Galkin S.A., Bokhan N.A. The effect of executive functioning on suicidal behavior in comorbidity alcohol dependence and affective disorders. *Deviant Behavior (Russia) / Deviantologiya*. 2021; 5 (1): 23-29.] (In Russ) DOI: 10.32878/devi.21-5-01(8)-23-29
38. Zivanovic R., McMillan J., Lovato C., et al. Death by suicide among Canadian medical students: a national survey-based study. *Can J Psychiatry*. 2018; 63 (3): 178-181.
39. Клименко Т.В., Кирпиченко А.А. Реактивная и личностная тревожность у женщин с алкогольной зависимостью. *Наркология*. 2007; 9 (69): 32-35. [Klimenko T.V., Kirpichenko A.A. Reactive and personal anxiety in women with alcohol dependence. *Narcology*. 2007; 9 (69): 32-35.] (In Russ)

GENDER ASPECT OF SUICIDOLOGICAL PROFILE OF PERSONS WITH HAZARDOUS ALCOHOL CONSUMPTION

K.V. Polkova, A.V. Merinov, E.V. Komarov, A.E. Starostenko

Ryazan State Medical University, Ryazan,
Russia; polkovaksu@gmail.com

Abstract:

The question of defining auto-aggression associated with alcohol consumption still remains open. Due to the RUS-AUDIT test, which discovers “dangerous alcohol consumption”, it became possible to develop a risk group for developing alcohol addiction and determine special consequences, and therefore assess their place in the continuum of paraalcoholic auto-aggression. In this work, we discover the question if the gender of a person who has a pattern of hazardous alcohol consumption, influences their auto-aggressive characteristics. *The aim* of this study is to study the suicidological characteristics of people with hazardous alcohol consumption in relation to their gender. *Materials and methods.* The study involved 435 young women (86 with hazardous alcohol consumption, 349 without it) and 456 young men (56 with hazardous alcohol consumption, 400 without it). The main criterion for acceptance into the corresponding group was the dangerous consumption of alcohol score on the RUS-AUDIT test. Mathematical data processing is carried out using the SPSS program. *Results and its discussion.* Young men with hazardous drinking are twice as likely as women to have attempted suicide in the last two years, which is almost comparable to adult males already addicted to alcohol. The combination of suicidal thoughts with a suicide attempt in the studied male group was 17.86%, in the female group it was 10.47%. Various cases of risky and life-threatening behavior in the assessment with impulsivity significantly prevail ($p < 0.05$) in men, the manifestations of the group, thus showing a kind of “male” variant of the gender vector of auto-aggressive behavior. Narcological gender characteristics of young people with hazardous alcohol consumption (recognition of alcohol abuse in the last two years) in the female group of alcoholics is 6 times less than in the group of men, which needs development. Feelings of hopelessness and low mood as the most important risk factors for suicidal behavior were mentioned by 50 percent or more of the people in the study groups. Men with hazardous alcohol consumption demonstrated “closedness”, a tendency to “keep everything in themselves”, which is quite consistent with the lower frequency of thinking about the need to visit a psychiatrist / psychotherapist compared to women in the study group (46.15% vs. 68.05%). *Conclusions.* With adverse events in the whole suicidological profile in the identified foci, however, there are certain gender characteristics, the identification of fundamental importance for the formation of theoretical ideas and practical work of a suicidologist in narcology. Classical suicidal phenomena on the development of an alcohol trajectory are less typical for young women with dangerous forms of alcohol consumption. However, a number of predictors of auto-aggressive broad behavior of an affective type are often found in the group. Men with hazardous alcohol consumption are characterized by risky- victim models of realization of auto-aggressive impulses and PAS consumption.

Keywords: excessive alcohol consumption, prenosological forms of alcohol abuse, domestic drunkenness, habitual drinking, suicidal behavior, auto-aggressive behavior, suicidology, preventology

Вклад авторов:

K.V. Polkova: разработка дизайна исследования, обзор и перевод публикаций по теме статьи, статистическая обработка данных, написание текста рукописи;

A.V. Merinov: разработка дизайна исследования, перевод публикаций, редактирование текста рукописи;

E.V. Komarov: обзор и перевод публикаций по теме статьи, редактирование текста рукописи;

A.E. Starostenko: обзор и перевод публикаций по теме статьи, редактирование текста рукописи.

Authors' contributions:

K.V. Polkova: developing the research design, reviewing of publications of the article's theme, translated relevant publications, statistical processing of research data, article editing;

A.V. Merinov: developing the research design, translated relevant publications, article editing;

E.V. Komarov: review of publications on the topic of the article, translated relevant publications, writing the text of the manuscript;

A.E. Starostenko: review of publications on the topic of the article, translated relevant publications, writing the text of the manuscript.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 11.05.2023. Принята к публикации / Accepted for publication: 13.06.2023.

Для цитирования: Полкова К.В., Меринов А.В., Комаров Е.В., Старостенко А.Е. Суицидологическая характеристика молодых мужчин с опасным потреблением алкоголя. *Суицидология*. 2023; 14 (2): 59-72. doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-02(51)-59-72

For citation: Polkova K.V., Merinov A.V., Komarov E.V., Starostenko A.E. Suicidal characteristics of young men with hazardous alcohol consumption. *Suicidology*. 2023; 14 (2): 59-72. (In Russ / Engl) doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-02(51)-59-72